

	Навахо	Абхазский	Тлингит	Турецкий
мать	má	ан	La	anne
моя мать	šl-má	с-ан	Ax-La'	anne-m
твоя (м.) мать	{ nì-má	у-ан	{ i-La'	anne-n
твоя (ж.) мать		б-ан		anne-si
его мать	{ bì-má	и-ан	du-La'	
ее мать		л-ан		
Но: город			ān	şehir
его город			du-ān'-î	şehir-i
			(букв. его — город — его)	

на войну', di...dàà 'наступает весна' (динамические глаголы). В s-перфективной форме статические глаголы навахо обозначают положение в пространстве (сидит, стоит, лежит); n-перфективная форма обозначает протяженность в пространстве (сидит, стоит, лежит, занимая такое-то пространство).

Существительные в абхазском и навахо, так же как в кечуа (Южная Америка) и турецком, располагают категорией принадлежности, чем, в частности, подтверждается справедливость теории агглютинации. Формирование и употребление категории принадлежности в указанных четырех языках в основном сходны, но образуют они попарное сходство: в кечуа и турецком аффиксы принадлежности присоединяются к существительным постпозиционно, образуя в 3 л. изафетные конструкции, и таким же образом они отражаются в личных окончаниях глагола. В абхазском и навахо аффиксы принадлежности также восходят к личным местоимениям, но присоединяются к имени препозиционно в силу неизвестных фонетических или морфологических законов, действовавших в прошлом или продолжающих действовать и в настоящее время в направлении, диаметрально противоположном законам кечуа и турецкого языков. По направлению приложения этих законов можно выделить две тенденции в языке: одна организует морфемы в большие именные и/или глагольные комплексы, другая регулирует направление присоединения морфем. Ср. формы категории принадлежности в языках навахо, абхазском, тлингит и турецком (изафетная конструкция языка тлингит описана выше).

Противоположно кечуа и турецкому происходит присоединение местоимения к глаголу навахо и абхазского языков. Как и следует ожидать, субъектные и объектные приглагольные местоимения предшествуют корневому элементу, но в абхазском ими начинается глагольный комплекс, в навахо они вклиниваются между показателями (префиксами) времени или наклонения (сходство глагольной флексии и аффиксов принадлежности легко усматривается; при сравнении приведенных примеров с данными табл. 2). Навахо: š-dò?í 'он видит меня' (ší 'я', 'меня', 'мой'); n-dò?í 'он видит тебя' (nì 'ты', 'тебя', 'твой'), но dèè-š- bìš (fut.) 'я сварю его (это)'; ná-š-biš (iter.) 'я снова варю его (это)'. Абх.: с-цоит 'я иду'; у-цоит 'ты (м) идешь'; и-у-з-лы-с-тоит 'я ей отдам для тебя что-то'; и-у-з-л-и-тоит 'он отдаст тебе (м) для нее что-то'.

Материала, которым мы располагаем, достаточно для того, чтобы говорить о большом структурном сходстве навахо и абхазского языков, хотя в образовании строгой системы времени и наклонений, субъективной и объективной модальности абхазский ушел далеко вперед по сравнению с навахо. Более разветвленной в абхазском языке является морфология глагола. Так, при категории версии и каузатива переходный глагол может быть четырехличным, т. е. в приглагольных местоимениях находят отражение субъект и три объекта; в двухличном переходном глаголе возможны 59 комбинаций субъектно-объектных местоимений [2, с. 83].